

Ли Ноэнь и Чайкамон не знали, кто их родственная душа. С самого раннего детства на их запястьях красовались первые слова, которые они должны были услышать от своих суженых.

У Ли Ноэня было написано: «Такой уродливый».

У Чайкамона значилось: «Э».

Каждый раз, глядя на «Такой уродливый» у себя на руке, Ли Ноэнь мечтал найти этого человека и хорошенько проучить. Ну что за глупость? Как можно назвать красавца с такой безупречной внешностью уродливым? Да это ты сам уродливый! Наверняка черный и страшный!

Чайкамон же, глядя на свое «Э», всегда думал, что его родственная душа — неженка и избалованная белоручка.

Лишь родители обоих знали, в чем дело. В момент заключения контракта между родственными душами всегда случаются странности, а обе семьи тогда были на месте. Вспоминая тот день, трудно сказать, было ли это благословением или проклятием.

Беда пришла за день до Дня святого Валентина, девятнадцать лет назад. Это случилось вскоре после рождения младшего брата Чайкамона, Чай Ицзэ. Отец привез двухлетнего Чайкамона в больницу навестить маму и новорожденного. Малыш Чайкамон заглядывал через стекло в палату, где спал братик, и улыбался — он считал, что тот самый милый на свете.

По чистой случайности в соседней палате лежал только что родившийся Ли Ноэнь. В то время детей в отделении было немного, и отец Ли тоже пришел навестить младшего сына вместе со старшим, Ли Цзыюем. Медсестры поднесли младенцев к стеклу, чтобы семьи могли на них посмотреть. Маленький Чайкамон взглянул на соседнего ребенка и, не умея еще фильтровать мысли, выпалил: «Такой уродливый!», решив, что его брат — самый красивый, а остальные и в подметки ему не годятся. Ли Ноэнь, кажется, услышал, что его отвергла собственная родственная душа, издал «Э» и тут же расплакался.

В ту же секунду в больничном коридоре пошел дождь из конфет. Ли Цзыюй поймал одну — она оказалась в обертке от свадебного угощения. Отцы переглянулись, и в глазах обоих читался шок. Отец Ли схватил проходившую мимо медсестру:

— Простите! Девушка, можно мне посмотреть, нет ли у моего сына чего-то необычного на запястье?

— Э... хорошо. — Медсестра, ничего не понимая, попросила коллегу, державшую Ли Ноэня, показать руку ребенка. Увидев надпись «Такой уродливый», она остолбенела.

Отец Чайкамона побледнел. Он схватил руку сына, который продолжал набивать карманы конфетами, и увидел там ярко светящееся «Э». Отцы долго молчали, глядя друг на друга. Они вернулись в палату, где их жены, к несчастью, лежали вместе. Те весело болтали, но, узнав правду, притихли.

Мать Чайкамона, сжимая руку сына, смотрела на надпись, и ее накрыло чувство вины.

— Те слова... они большие?

Отец Чайкамона тяжело кивнул:

— Довольно большие. Должно быть, со временем... они будут расти.

Мать Чайкамона посмотрела на мать Ли. Они помолчали.

— Мы будем нести ответственность! — решительно заявила мать Чайкамона. — А-Юэ, не волнуйся, мы все возьмем на себя!

— ...А если они потом не полюбят друг друга? — спросила мать Ли. Ведь многие родственные души так и не остаются вместе.

— ...Это верно...

— В любом случае, это вина моего сына... — настаивал отец Чайкамона. — Слова моего сына... это мы не научили его, как следует... Как бы там ни было, мы ответим за это.

Он снял с шеи Чайкамона нефритовую подвеску. Это был подарок деда, такие выдавали каждому ребенку в семье, и на них были выгравированы имена. — Это наш знак верности. Когда придет время, что бы ни случилось, если Синьсинь придет с этим знаком, мы выполним любую просьбу.

По настоянию семьи Чай, семья Ли приняла подвеску, а на следующий день взамен подарила Чайкамону браслет из плетеного шнура. Зная, что дети — родственные души, семьи переехали в один район, чтобы те росли вместе. Но когда Ли Нозню исполнилось три года, семья Ли переехала из-за работы, и связь прервалась.

Вернемся в настоящее. Ли Нознь давно забыл те события. Единственное, что он знал — его родственная душа при первой встрече назвала его уродливым. Это была кровная месть! Все эти годы он носил на запястье повязку, чтобы скрыть эти слова. А поскольку родственные души делят радости, горести, боли и удовольствия, он постоянно страдал. Не потому, что был неуклюжим, а потому, что тот другой вечно попадал в переделки: то ногу ушибет, то поясницу потянет. Вот и сегодня утром Ли Нозня ни с того ни с сего вырвало кровью, а легкие ныли уже два дня. Неужели нельзя сходить к врачу пораньше?! Как же болят легкие!

— Ты в порядке? — Ли Нознь посмотрел на Ши Аньвэя, покачал головой и выпрямился:

— Пойдем, нужно отметить.

— Если плохо себя чувствуешь, говори.

— Угу.

Закончив с регистрацией в университете, они отправились в спортзал посмотреть, какие там есть клубы.

— Красавчик, заходи к нам в клуб красавцев, тебе как раз подойдет!

— Красавчик, посмотри наш театральный кружок, следующая звезда — ты!

— Красавчик, красавчик...

— Столько клубов, Ли Ноэнь, ты куда хочешь записаться? — Ши Аньвэй был завален рекламными листовками, а другие студенты все подсовывали новые.

— Не знаю. — У Ли Ноэня руки тоже были заняты, но желания вступить хоть куда-то не возникло.

— Красавчик, пойдешь в почетный караул? Прославишь школу!

Ли Ноэнь остановился, посмотрел на человека перед собой, потом на офис набора: все как один в черных кожаных куртках и розовых штанах. Он дернулся глазом и замахал руками:

— Нет-нет, спасибо.

— Ну давай, ну давай!

— Нет-нет. — Ли Ноэнь начал пятиться.

— А!

— Ой!

— Ли Ноэнь!

— Чайкамон!

Ши Аньвэй поспешил поднять упавшего Ли Ноэня, а Мэн Ваньчжоу — Чайкамона.

— Вы в порядке?

— Все нормально. — Ли Ноэнь посмотрел на того, в кого врезался. Тот был в такой же черной кожанке и розовых штанах. Он слегка кивнул: — Извини.

— Э... ничего страшного...

— Если все в порядке, мы пойдем.

— О...

Ши Аньвэй увел Ли Ноэня. У них пропало всякое желание гулять, хотелось только поскорее вернуться в общежитие.

— Чайкамон, ты как? Почему так долго ходил за вещами?

— Все хорошо, просто по дороге случилась небольшая неприятность.

— Опять?

— Ха-ха-ха, ай!

— Ссс! — Мэн Ваньчжоу даже смотреть было больно.

Чайкамон схватился за пах. Он не уследил, развернулся и врезался в угол стола. Сейчас он испытывал адскую боль...

— А!

— Ли Ноэнь?! — Ши Аньвэй поддерживал Ли Ноэня, когда тот внезапно согнулся, схватившись за что-то. За что именно, он не разглядел.

— Черт...

Чжэн Минсинь умирал от боли. Что с тем человеком происходит? Разве можно так удариться в этом месте?! Так ведь и потомства лишиться недолго... Больно... Как же больно...

— Ли Ноэнь, что с тобой?

— Назад... возвращаемся, скорее... назад...

— О, о, хорошо!

Ши Аньвэй уже собирался помочь Чжэн Минсиню вернуться, как увидел перед собой яркие розовые штаны.

— Вы... вы тоже уходите? — Мэн Ваньчжоу посмотрел на них.

— Да, да, вы тоже? — ответил за друга Ши Аньвэй.

— Да, да. — Мэн Ваньчжоу постеснялся сказать, что именно случилось.

— Мэн Ваньчжоу... пошли быстрее. — Чайкамон выдавил улыбку и ущипнул Мэн Ваньчжоу за пояс.

— Хорошо, хорошо, ладно, увидимся!

— Эй, до встречи...

Чайкамон сходил в медпункт и, преодолевая смущение, показался врачу.

— Все в порядке, больше отдыхай, на будущее не повлияет.

— Ну и хорошо, хорошо.

— Иди, возвращайся.

— Ладно, ладно, спасибо!

Только он собрался уходить, как увидел, что Ши Аньвэй заводит Ли Ноэня.

— Доктор, доктор, посмотрите его.

— Что случилось? — Врач не понимал, что сегодня происходит с людьми.

Ли Ноэнь покраснел. Он не хотел идти, но Ши Аньвэй, по пути решив, что раз уж тот человек ударился, то и Ли Ноэню может передаться боль, все-таки притащил его в медпункт.

— Его... э... его родственная душа... ударились... в том... месте, теперь болит невыносимо, посмотрите, пожалуйста?

— Ударился? — Врач, кажется, только что лечил такого же пациента.

Он посмотрел на двух парней, скрытых за ширмой, нахмурился и велел Ли Ноэню сесть на кушетку. Ли Ноэнь сначала стеснялся, но ведь это врач... для него пациент — просто пациент.

— Все в порядке, ничего серьезного, идите отдохните.

— Хорошо, хорошо, спасибо, доктор.

Ли Ноэнь выдохнул и посмотрел на Ши Аньвэя:

— Я же говорил, что все нормально...

— Кто же знал? Это ведь в первый раз. Обычно тот только пальцы или ноги царапал, это пустяки, а тут... ой.

— Я, должно быть, проклят, раз стал родственной душой этого человека...

— Забей, забей. — Ши Аньвэй утешил его: — Столько лет справлялся, и сейчас справишься.

— Я просто надеюсь, что он больше не... А-а-а!

— А-а-а!

Два вскрика прозвучали одновременно.

— Что случилось?! — Ши Аньвэй увидел, что друг мучительно схватился за лодыжку.

А с другой стороны парень, который, встав с кушетки, нечаянно подвернул ногу, тоже выглядел страдальцем.

— Что, что случилось?! — Врач выбежал, огляделся, немного подумал и раздвинул ширму.

— Рассказывайте прямо, что у вас происходит.

— Нога болит! — в один голос воскликнули Ли Ноэнь и Чайкамон.

— Где болит?

— Здесь! — оба подняли правую ногу. — Лодыжка!

В медпункте воцарилась тишина. Ши Аньвэй и Мэн Ваньчжоу переглянулись. Ли Ноэнь и Чайкамон посмотрели друг на друга. Ли Ноэнь прищурился. Чтобы убедиться наверняка, он с

силой ущипнул себя за руку.

— Ау! — Чайкамон тут же схватился за свое предплечье.

Ну что ж, у каждой проблемы есть причина, и он наконец нашел того, кто назвал его уродливым!

Забыв о боли в ноге, Ли Ноэнь вскочил с кушетки, яростно подбежал к Чайкамону, схватил его за лицо и заставил смотреть на себя.

— Е-есть дело?!

— Я уродливый?!

— Н-нет, не уродливый.

— Тогда почему ты сказал, что я уродливый?!

— Я... я не говорил!

— Говорил!

Чайкамон был так напуган, что не знал, что ответить. Он смотрел на человека перед собой и ни за что не смог бы произнести это слово. Ли Ноэнь, кажется, понял, о чем тот думает, развязал ленту на запястье и сунул ее под нос Чайкамону.

— Смотри!

— «Такой... уродливый»? Это не... это не я сказал!

Ли Ноэнь прищурился и ущипнул себя за бедро.

— А-а! — Чайкамон тут же вскрикнул, схватившись за бедро, не в силах поверить.

— Еще доказать?! — Сказав это, Ли Ноэнь ущипнул себя за поясницу, и Чайкамон снова скорчился от боли.

— Достаточно, хватит! — Чайкамон убедился, что это его родственная душа. Но... почему он сказал ему «уродливый»? Он совсем этого не помнил.

— Столько лет! Из-за тебя я вечно получаю травмы, не пойми откуда! Ты можешь хоть немного следить за собой?!

— Я... я тоже не специально...

— Тогда будь осторожнее! И вообще, у тебя там что, стальные доспехи? Мне тоже больно, знаешь ли!

— Я... я тоже чувствую боль.

— Эй, эй, ладно, Ли Ноэнь. — Ши Аньвэй оттащил друга и обратился к Чайкамону: — Ты в будущем будь осторожнее... Ли Ноэнь столько лет страдал ни за что... У него кожа светлее, чем у других, все следы сразу видны.

— ...П-прости...

— Забудь. — Ли Ноэнь вырвал руку из хватки Ши Аньвэя и посмотрел на Чайкамона. — Главное, не делай так больше, остальное — мелочи.

— Н-не буду.

— Пошли, Ши Аньвэй, в общежитие.

— Хорошо. — Ши Аньвэй подхватил его. — Нога как?

— Немного болит.

— Придем, я разотру.

— Угу.

— Эй? Чайкамон? — Мэн Ваньчжоу толкнул Линь Яна (Чайкамона). — Ты в порядке?

Линь Ян покачал головой:

— В порядке.

Просто он не мог поверить, что родственная душа, которую он ждал столько лет, внезапно появилась перед ним. И еще... он сказал, что страдал из-за него. Ох... внезапно стало так стыдно. И еще... первые слова, которые он оставил своей родственной душе, были «Такой уродливый»... Стыдно, как же стыдно.

— Ты очень красивый, совсем не уродливый.

Ли Ноэнь смотрел на серьезного парня перед собой и на толпу зевак вокруг, чувствуя беспомощность.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь! — Ли Ноэнь опешил, когда Чайкамон начал сыпать комплиментами, словно зачитывал текст по бумажке: — Ты не знаешь, что твои глаза сияют ярче звезд в небе, не знаешь, что родинка на кончике носа — это божественный дар, не знаешь, что твои губы манят, как первое желе жарким летом, не знаешь, какая у тебя фигура...

— Хватит! — Ли Ноэнь прервал это вдохновенное... признание, зажав ему рот. Эти «звезды в небе» сейчас гневно сверкали на него. — С тебя хватит, прекрати этот цирк.

Чайкамон обиженно опустил веки, и сердце Ли Ноэня мгновенно растаяло — чертова родственная связь передала ему чувства парня. Ли Ноэнь разжал пальцы и смягчил голос:

— Не... не надо так преувеличивать, я же сказал, мы разобрались.

— Нет... я, я должен...

— А? Что должен?

—

— Громче, я не слышу.

— Я должен нести за тебя ответственность!!!

— О-о-о-о-о-о!!!!!!!

Вокруг раздались радостные крики, а затем скандирование: «Соглашайся! Соглашайся!»

Это что еще такое?! Он смотрел на покрасневшего парня и на толпу, которая окружила их, жажда зрелищ. Впервые в жизни ему было так стыдно. Позор-то какой, сердце колотится, как бешеное! Постойте, это его сердце или Чайкамона? Он уже не мог разобраться!

Проклятая родственная душа! Почему его суженый такой невыносимый? Говорят же, что родственная душа — самый близкий человек, а у него — то лед зимой, то печка летом!

— Идем за мной! — Ли Ноэнь схватил Чайкамона и вытащил его из круга. В спину им доносились крики про побег и прочую чепуху.

Они прибежали в школьный склад инвентаря, где никого не было.

— Ты что вообще творишь?! — Ли Ноэнь отпустил руку Чайкамона. При мысли о том, что только что произошло, ему хотелось стереть себе память.

— Я, я серьезно!

— Мне это не нужно!

Чайкамон снова обиженно опустил голову:

— Ну не надо... ну пожалуйста...

— ??? Ты, ты води себя нормально! Ты, не делай так! Я, я могу дрогнуть! Нет, я говорю тебе, так ты меня не возьмешь!

— Посмотри на это! — Чайкамон внезапно поднял руку. — Видишь?

— Что это? Красная нить? Зачем?

— Это наш знак верности...

??? «Что? Я, с тобой, только познакомился! Как эта штука стала нашим знаком верности!»

— У тебя тоже есть. — Чайкамон опустил голову и чертил носком ботинка круги на полу. — То, что у тебя на шее — это реликвия нашей семьи, ее носят только невестки.

Ли Ноэнь схватился за грудь, не зная, то ли он нащупал реликвию, то ли у него сердечный приступ.

— Почему?

— Когда в детстве мы поняли, что мы родственные души, семьи обменялись подарками. Так что мы — суженые...

Ли Ноэнь закрыл глаза, глубоко вздохнул, схватил Чайкамона за плечи и начал трясти:

— Приди в себя! Уже 2025 год! Хватит верить в феодальные суеверия!!

— Это не суеверия! Это ответственность! — Чайкамон схватил Ли Ноэня за руки. Его серьезный вид заставил сердце Ли Ноэня забиться чаще. Чьи это чувства?! Он нервничает или Чайкамон? Нет, точно Чайкамон, ему-то с чего нервничать?

— Я серьезно говорю: мне не нужна твоя ответственность. Я не считаю, что родственные души обязаны быть вместе всю жизнь, так что не заморачивайся. Если ты чувствуешь давление, то... дай мне руку.

Чайкамон протянул руку, и при касании к Ли Ноэню его лицо снова вспыхнуло. Ли Ноэнь снял с его руки шнурок и вложил ему в ладонь нефритовую подвеску семьи Чай, которую носил больше двадцати лет.

— Вот, теперь мы вернули знаки владельцам, тебе не нужно нести за меня ответственность.

— А? А-а???

Ли Ноэнь надел шнурок на руку и собрался уходить, но Чайкамон схватил его:

— Это, это, это...

— Что опять?

— Нельзя!

— Почему?!

Чайкамон открыл рот, но не мог объяснить:

— Дело не в знаке!

— Я же сказал, это не имеет значения. Я столько лет привыкал, смирился, ты извинился, разве нельзя просто оставить это в прошлом?

— Я не могу! — Чайкамон опустил голову. — Я не могу, ты должен дать мне шанс загладить вину.

— ... — Ли Ноэнь вздохнул. — И чего ты хочешь?

— ...Скорее, чего хочешь ты? Это же компенсация тебе.

— ...Я не знаю.

— Тогда как придумаешь — скажи, я обязательно сделаю. — Ли Ноэнь многозначительно посмотрел на него. — Не стоит бросаться словами, а если не сможешь?

— Смогу.

С того дня у Ли Ноэня появился маленький «хвостик». Чайкамон ходил за ним по пятам, постоянно спрашивая, как дела. Те, кто был в курсе, понимали, что Чайкамон пытается «загладить вину», а остальные думали, что он ухаживает за Ли Ноэнем. Любопытные студенты даже завели на школьном форуме тему, где записывали каждый день их «романтической» истории.

Поначалу Ли Ноэня ужасно раздражало, что Чайкамон постоянно болтает о своей компенсации.

— Ты можешь говорить о чем-то другом? Я уже устал это слушать.

— Тогда давай поговорим о том, что тебе не стоит есть столько сладкого. Я заметил, ты очень любишь сладкое. Знаешь, это вредно, правда. Избыток сахара в организме — это плохо, есть даже научная статья...

— Заткнись.

— Ты же сам просил поговорить о чем-то другом?

— Я пожалел.

Хотя Ли Ноэнь и пожалел, темы для разговоров постепенно находились: от повседневных мелочей до государственных дел. Непонятно, откуда у них каждый день бралось столько поводов для споров.

— Джинсы, конечно, должны быть цвета «джинсовый синий».

— А как ты называешь черные джинсы?

— «Джинсовый черный».

— Нет! Это просто черный!

— Нет-нет, это «джинсовый черный».

— Это черный!

— «Джинсовый черный».

Ши Аньвэй ел свой обед, не собираясь вмешиваться. Он уже пытался их вразумить, но раз нет результата — пусть спорят.

— Ши Аньвэй, скажи, это синий или «джинсовый синий»? — Ли Ноэнь не выдержал и повернулся к другу. — Ши Аньвэй? Ши Аньвэй?

Чайкамон и Ли Ноэнь переглянулись и с подозрением посмотрели на Ши Аньвэя.

— Ши Аньвэй!!!!

Чайкамон протянул руку и отодвинул тарелку Ши Аньвэя. Тот удивленно поднял глаза.

— Ши Аньвэй?

Тот вынул что-то из ушей.

— Чего?

— Ты в берушах???

— ...Вы очень шумные.

—

— Старшекурсник.

Все трое посмотрели в сторону. Первокурсница, сжимая розовое письмо, мялась на месте — сразу видно, что ей нужно.

— Старшекурсник, примите мои чувства! — Она сунула письмо Чайкамону в руки и убежала.

— Ц.

Чайкамон, услышав этот звук, взорвался:

— Что?!

— Популярный ты!

Ши Аньюэй, услышав это от Ли Ноэня, поднял голову с явным удивлением.

— Это, это, это...

— Ха, не заставляй девушку грустить. — Сказав это, Ли Ноэнь встал и ушел. Ши Аньюэй опешил, поспешно закинул в рот пару ложек риса и побежал следом, оставив Чайкамона в растерянности.

— Ли Ноэнь, Ли Ноэнь! — Ши Аньюэй догнал его и схватил за руку. — Ты чего злишься?

— С чего ты взял, что я злюсь?!

— ...А это разве не злость? — Ши Аньюэй скрестил руки на груди, глядя на друга. — Ты думаешь, я первый день тебя знаю? Я не вижу, когда ты злишься?

Ли Ноэнь посмотрел на него.

— Хорошо, хорошо. — Ши Аньюэй поднял руки. — Не злишься.

— Угу.

— Ревнуешь.

— Угу, угу??? Что еще за бред!

Ши Аньюэй засмеялся, довольно нагло:

— Ты так палишься.

— Заткнись!

— Ли Ноэнь, Ли Ноэнь... — Ши Аньвэй покачал головой. — Я давно думал, что у вас странные отношения, а сегодня понял. Это любовь, конечно, все иначе.

— Я не влюблен в него!

— Сейчас нет. — Ши Аньвэй кивнул. — А потом — кто знает.

— Ши Аньвэй, ты о чем вообще?!

— Ли Ноэнь, ты ревнуешь, понимаешь? — Ши Аньвэй стал серьезным. — Раньше я думал, что все эти сплетни — вранье, а сейчас вижу: со стороны виднее. Ли Ноэнь, ты любишь Чайкамона. Ты приревновал, потому что та первокурсница дала ему письмо.

— Я нет.

— Хорошо. Тогда скажи, Ли Ноэнь, если Чайкамон ответит на признание той девушки, что ты почувствуешь?

— ...Ну... мне будет очень жаль первокурсницу. Чайкамон такой невезучий, такой занудный, просто жалко ее. Ей бы найти кого получше. Подумай сам, Чайкамон никудышный, вечно то тут ударится, то там. Ой, за собой следить не может, как он будет заботиться о других, а? Ну разве не так?

— М-м... правда?

— Конечно, а как же еще?

— О, ну ладно. — Ши Аньвэй достал телефон, что-то быстро нажал. — О.

— Что такое?

— На школьном сайте пишут, — Ши Аньвэй протянул ему смартфон, — Чайкамон согласился стать парнем той первокурсницы.

Ли Ноэнь замер, уставившись на кричащие заголовки на экране. Внутри внезапно стало пусто, а следом навалилась такая тоска, что даже дышать стало больно — каждое движение легких отдавалось в сердце острой судорогой.

Он прикусил губу, чувствуя, как к горлу подкатил ком.

— Дурак!

Ши Аньвэй проводил взглядом убегающего парня и вздохнул:

— Такой умный человек, а в любви превращается в полного идиота.

Правда, видя, как Ли Ноэнь, рыдая, скрылся из виду, Ши Аньвэй почувствовал укол совести.

Что теперь делать? Купить ему нового парня в качестве компенсации? Но как заставить того другого дурака наконец прозреть?

— Ши Аньвэй!

О, а вот и второй дурак пожаловал.

— Ши Аньвэй, ты не видел, куда ушел А-Синь?

Ши Аньвэй смерил Чайкамона внимательным взглядом и вдруг произнес:

— Ли Ноэню... сейчас не очень хорошо.

Чайкамон замер, а затем встревоженно спросил:

— Что случилось? Что-то произошло?

— Хм... сложно сказать. Не знаю, стоит ли тебе говорить, — Ши Аньвэй изобразил на лице крайнюю степень нерешительности.

— Да говори же! — Чайкамон занервничал. — С ним что-то случилось?!

— Случилось.

— Что именно?!

— Он... он только что пережил разрыв.

Лицо Чайкамона мгновенно окаменело:

— У него... у него что, был... был...

— Ну...

— Он... он расстался... У него... у него был кто-то, кого он любил? Правда? Почему он мне не сказал? Почему? Кто этот человек, которого он любит? Он хороший человек? Нет, стоп, как хороший человек мог бросить А-Синя? А-Синь такой замечательный, почему он не ценил его?!

Ши Аньвэй опустил голову, притворно размышляя:

— Парень был неплох. Эрудированный, симпатичный, капитан школьного почетного караула. Очень хорошо относился к Ли Ноэню, правда, иногда любил поворчать, но Ли Ноэню это

нравилось.

— А...

— Жаль только, что так вышло.

— Почему они расстались?!

— А почему ты так злишься? — парировал Ши Аньвэй. — С чего бы тебе так кипятиться?

— Я... я... я не знаю.

— Чайкамон, почему ты злишься? Потому что у Ли Ноэня был кто-то, или потому что теперь он страдает от разрыва?

— Я... я не знаю... я...

— Чайкамон, ты должен знать.

Чайкамон почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Перед глазами пронеслись образы Ли Ноэня: милый, озорной, поедающий сладости, корпящий над домашкой — каждый момент был глубоко запечатлен в его памяти. Почему всё так?

— Чайкамон?

— Может быть... я люблю его?

Ши Аньвэй слегка выдохнул. Он-то думал, что до него будет гораздо труднее достучаться.

— Если я скажу, что ему сейчас очень плохо, что ты сделаешь?

— Я буду рядом с ним, — ответил Чайкамон, не раздумывая. Сказав это, он на секунду замялся и повторил тверже: — Я буду с ним.

— Тогда иди.

— А?

— Ли Ноэнь сейчас очень нуждается в тебе!

— ...Тогда я пошел!

Ши Аньюэй помахал ему рукой, глядя на удаляющуюся спину Чайкамона с чувством старого отца, провожающего сына в большую жизнь.

— Постой! — Чайкамон прибежал обратно. — Где мне его искать?

Ши Аньюэй посмотрел на него с нескрываемым недоумением:

— Спроси себя самого.

— Меня?

— Родственная душа подскажет тебе всё, что ты хочешь знать. Ты что, на занятиях не слушал?

— Забыл! — бросил Чайкамон и умчался прочь.

Ответ уже был у него в голове.

Закат на крыше — самое красивое зрелище, но для Ли Ноэня этот закат сейчас казался отражением его собственного сердца, готового рухнуть в бездну.

— А-Синь!

Ли Ноэнь невольно выпрямился, но отвечать Чайкамону не хотелось.

— А-Синь, — Чайкамон осторожно подошел ближе. Он думал, что Ли Ноэнь ни с кем не хочет разговаривать из-за разбитого сердца.

Чайкамон не возражал, просто сел рядом, чтобы составить ему компанию. Но если он мог терпеть, то Ли Ноэнь — нет.

— Тебе разве не нужно быть со своей девушкой?

— С кем?

— ... — Приходится говорить прямо, как же это бесит. — С твоей новой девушкой.

— ??? Новой, новой девушкой?

— Цыц, не притворяйся! Об этом уже весь школьный сайт гудит, разве нет?

— Ха?!

Глядя на его реакцию, Ли Ноэнь в гневе достал телефон, зашел на школьный портал, но ничего не нашел.

— Почему ничего нет?!

— Ты решил, что я начал с кем-то встречаться? И с кем же?

— С той, с той, которая сегодня передала тебе любовное письмо! — Ли Ноэнь, не поднимая головы, листал ленту. — Ты же согласился!

— Нет, не соглашался.

— Я видел, ты был в топе новостей!

— Не был я там.

— Как это возможно!

— Я правда не соглашался, — Чайкамон прижал руку Ли Ноэня к телефону и взял его лицо в свои ладони, заставляя смотреть прямо в глаза. — Как ты мог подумать, что я... что я согласился?

Ли Ноэнь надулся.

— Она мне не нравится. Я не могу встречаться с кем попало, кто признается мне в любви. У меня есть только один человек, который мне дорог.

— ...И кто же?

— Ты.

— Я так и знал... Что? Кто?

— Ты, — Чайкамон сделал паузу. — Ты, Ли Ноэнь.

— Я?

— Ты, — Чайкамон переложил его руку на свое сердце. — Почувствуй, как оно бьется.

Ли Ноэню показалось, что в голове раздался какой-то звук — громкий, постепенно ускоряющийся, пока всё его сознание не заполнил этот стук.

— Слышу, — Ли Ноэнь опустил голову. — Очень громко.

— Тогда не грусти больше. Я люблю тебя, очень сильно люблю. Не надо страдать из-за того человека. У тебя есть я, я буду ждать тебя.

— ????? Я? Из-за кого я страдаю?

— Ну, из-за того, кого ты любишь... твой бывший... ты...

— Бывший? — Ли Ноэнь был в полном замешательстве. — Какой еще бывший?

— Ты же только что расстался?

— Я только что расстался? — Ли Ноэнь склонил голову набок. — Почему я об этом не знаю?

— Разве нет? — Чайкамон тоже запутался. — Ши Аньвэй сказал...

— Я расстался... я... — Ли Ноэнь замолчал, обдумывая слова, и внезапно всё понял.

Ни с кем я не расставался!

— Я не расставался.

— О?

— Я состою в отношениях.

— ...О... — Чайкамон поник, но тут же поднял голову и посмотрел на него: — В любом случае, я хочу быть рядом с тобой... неважно, в каком статусе... мне всё подходит.

— Ты почему не спросишь, с кем я встречаюсь?

— ... — Не то чтобы я очень хотел знать, но... кажется, ты очень хочешь, чтобы я узнал... — Кто?

— Господин Чай.

— М?

Теплое, мягкое прикосновение заставило Чайкамона на мгновение потерять дар речи, а затем впасть в панику.

— Ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты!

— Человек по фамилии Чай, которого зовут Чайкамон.

<http://bllate.org/book/20731/2075374>